

елена ЛОГУНОВА

Банда отпетых
дизайнеров

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Банда ответных дизайнеров

«ЭКСМО»

2006

Логунова Е. И.

Банда отпетых дизайнеров / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2006 — (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства Индия была в шоке, когда шеф позвонил ей из милиции. Их зануда-начальник из ревности убил любовницу, некую Елену Цибулькину? Да быть такого не может! Вскоре выяснилось, что в этом деле замешан еще и родной брат Индии – Казимир. Оказывается, он тоже крутил роман с любвеобильной Цибулькиной и вскоре стал вторым подозреваемым... Но если ни шеф, ни Казимир не убивали, то тогда кто? Надо срочно выяснить, пока братца не упекли в тюрьму!..

© Логунова Е. И., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

1	5
2	10
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Логунова

Банда отпетых дизайнеров

1

– Дети, вы плохо кушаете! – строго сказал папуля, оглядев почти нетронутый стол. – Ешьте как следует!

Есть, как следовало бы после долгого дня, не хотелось и не могло. Салатик мы кое-как поковыряли и холодец попробовали, но от горячего отказались наотрез. Поднимая голову над подушкой дивана, на котором я распласталась, как камбала, я видела термометр, укрепленный за оконным стеклом. Красный столбик спекся с отметкой «плюс сорок два». И это в семь часов вечера!

– Мы еще немножко отдохнем, а потом покушаем, – извиняющимся тоном пробормотал Денис.

Мой милый – очень совестливый человек, не зря служит в милиции. Ему было неловко, что папуля приготовил гору вкусной еды, которую никто не хочет дегустировать. Я-то считала, что папочка сам виноват: надо было составлять меню в соответствии с климатическими условиями и национальными традициями питания! Уплетать острое жаркое из баранины с перцем и бамией в сорокаградусную жару могли разве что огнеупорные африканские зулусы.

– Неужели вы совсем не голодны? – продолжал сокрушаться наш кулинар-изобретатель. – Может, кто-нибудь попробует буженинку с апельсинами?

– Гау! – подумав немного, великодушно согласился Барклай.

– Добрая собачья душа! – растрогался папуля.

Он положил в глубокую миску большой кусок мяса, поставил посудину перед носом басета, разлегшегося на полу, и с надеждой посмотрел на меня:

– Дюша, а ты?

– Гау! – вяло огрызнулась я. – В смысле, нет! Не хочу, не могу и не буду!

– Зяма?

– М-м-м? – братец поднял голову с подлокотника большого кресла, в котором он поник, как увядший цветик.

– Буженину будешь?

– Я похож на человека, который будет буженину? – страдальчески спросил Зяма.

Ветер из кондиционера, включенного на полную мощность, взлохматил его мелированные кудри.

– Ты похож на небритого Сергея Есенина, – не без зависти сказал Денис, обладающий симпатичной, но заурядной наружностью.

– На Есенина, который хочет буженины? – усомнился Зяма.

– На Есенина, который хочет декламировать: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый!» – съязвила я.

– Заледенелый – это хорошо, – согласился Зяма и снова опал.

Он не глядя взял с подоконника отложенный было журнал «ВелоМото» и принялся его листать, томно рассматривая изображенный на картинках двухколесный транспорт.

С наступлением адской жары ездить по городу в машине без кондиционера стало сущим мучением. Вдобавок, к лету автотранспорта на городских улицах прибавилось, словно машины насыпались с ветвей, как спелые вишни. Зяма всерьез подумывал о покупке скуттера. Ему нравилась перспектива с ветерком объезжать километровые пробки по тротуарам.

– Вот, по-моему, отличная моделька! – сказал братец, ткнув пальцем в цветное фото. – Тут есть крыша, дворник на лобовом стекле, багажник и встроенная автомагнитола с колонками. За все удовольствие каких-то три тысячи баксов.

– У тебя есть свободные три тысячи баксов? – почтительно спросил Зяму малооплачиваемый милицкий эксперт-криминалист Денис Кулебякин.

– У меня нет, но мамуля получит приличный гонорар за свой сценарий, и я попрошу денег у нее, – легко ответил братец.

В прихожей гулко хлопнула дверь.

– А вот и мамуля! Легка на помине! – обрадовался Зяма и возвысил голос: – Либер муттер! Ты дашь своему любимому сынишке три тысячи американских тугриков?

– Не сейчас! – донесся из прихожей раздраженный голос. – В данный момент мне хочется не любить, а убить, причем почти все равно, кого именно!

Бухнули сброшенные туфли, мамуля босиком вошла в кухню и подставила распаренное лицо под струю воздуха из кондиционера. Я потеснилась на диване, родительница рухнула рядом и пожаловалась:

– Опять лифт сломался! Пришлось тащиться на седьмой этаж пешком, по такой-то жаре, в моем возрасте!

– Ну, Варвара Петровна, что вы! Сорок лет для женщины – это самый расцвет сил! – возразил Денис.

Мамуля, которая в прошлом году отпраздновала свой полувековой юбилей, посмотрела на него с одобрением.

– Басенька, кушать будешь? – спросил папуля, заглянув в кухню из коридора, по которому он прохаживался, по всей видимости, нагуливая аппетит.

– Позже, – коротко ответила мамуля.

– Как пообщались? – поинтересовалась я, имея в виду встречу мамули с продюсерами и режиссерами будущего фильма. – Договор подписан? Мы, собственно, именно по этому поводу собрались за праздничным столом.

– Правильно собрались, – кивнула она. – Договор мы подписали, и я даже получила аванс. Наличными.

– Либер муттер! – восторженно воскликнул Зяма. – Так ты дашь своему любимому сынишке...

– Подзатыльник! – сказала я и самолично отвесила вымогателю легкую затрещину. – Дай ты человеку хоть немного отдохнуть! Сегодня воскресенье, не забыл?

– Отдохнуть не получится, – с сожалением вздохнула мамуля. – Нужно срочно внести в сценарий некоторые коррективы. В основном по мелочам, но есть и проблемный момент.

– Какой же? – участливо спросила я.

– Связанный с главным героем.

Я понимающе кивнула. Наша мамуля прославилась своими романами-ужасиками. Главный герой произведения, выбранного для экранизации, – вампир Харитон, вурдалак с бандитскими замашками. С ним и в самом деле проблем не оберешься!

– Харитона велено переименовать, – пожаловалась мамуля. – Имя у него должно быть такое, чтобы сразу без объяснений становилось понятно, что это страшный злодей.

– Кашей Бессмертный! – услужливо подсказал Зяма, прошуршав перевернутой страничкой.

– Не годится, – вздохнула она. – Господа продюсеры и режиссеры хотят, чтобы имя отрицательного героя подсознательно ассоциировалось у зрителя с терроризмом. Видишь ли, это очень актуально! Нужно придумать что-то похожее на «Салман Радугев», «Шамиль Басаев», но ни в коем случае не реальное имя, а вымышленное, чтобы ни одного человека не обидеть. И без чеченских, вообще без кавказских мотивов, чтобы не оскорбить целый народ.

– Да, политкорректность – это тоже актуально, – поддакнула я.

– Блин! – в сердцах воскликнула мамуля.

При упоминании съестного в дверном проеме чудесным образом возник папуля.

– Кто-то проголодался? – с надеждой спросил он.

– Уймись, Боря, не до еды мне сейчас! – неласково ответила супруга. – Ох, да как же мне его назвать-то, а? Дюша, ты же дипломированный филолог! Придумай что-нибудь!

– Требуется абсолютно нереальное имя по типу «Салман Радуев», содержащее отчетливый негатив? – Я немного подумала и щелкнула пальцами. – Вот, пожалуйста, на выбор: Захват Покоев, Обвал Забоев, Прорыв Карманов...

– Ушат Помоев, – пробормотал грустный папуля, подхватывая и унося мусорное ведро.

– Угон Харлеев, – подсказал Зяма, не отрываясь от журнала.

– Не пойдет, – с сожалением сказала мамуля. – Это звучит, как злая пародия на чеченские имена, что совершенно несправедливо, потому что негодяи встречаются в любом народе. Дайте мне такое имя, которое будет ясно говорить, что злодейство интернационально!

– Братан Друганов! – нерешительно предложил Денис. – Или Друган Братанов...

Мамуля пристально посмотрела на него, и он смущенно пояснил:

– Ну, вы же хотели что-то по части интернационализма, дружбы и братства между народами?

– Тогда надо писать через дефис: Братан Друганов-Народов! – машинально возразила я. – Кроме того, Друган Братанов звучит как-то криминально. Бандгруппировкой, знаешь ли, пахнет!

– Да ладно! Криминально звучало бы Пацан Конкретов или Пахан Бандитов! – заспорил со мной Денис.

– Паханов! – осенило вдруг мамулю. – Паханов будет его фамилия! В ней есть все: и намек на террористическое прошлое по отцовской линии, и уголовно наказуемое злодейство в особо крупных размерах... Имя бы еще хорошее придумать. У кого есть идеи?

– Я пас, у меня в голове каша, – признался Зяма.

В дверях моментально материализовался папуля, успевший сбегать к мусоропроводу:

– Что, будем ужинать?

– Боря, изыди! – гаркнула мамуля.

– Гау! – сказал Барклай.

Он сел, застенчивым жестом потрогал Дениса за колено и просительно заглянул ему в глаза.

– Надо с ним погулять. – Мой милый со вздохом поднялся с мягкого стула. – Инка, составишь нам компанию?

Я покосилась на термометр за окном и хотела уже решительно отказаться, но тут Денис добавил:

– Прогуляемся по пустырю и, если дойдем до торгового центра, посмотрим тебе новый купальник.

– Правильно, в выходные обязательно поедем на дачу и будем купаться в пруду – заявила мамуля.

– Ну, если новый купальник... – Я неохотно сползла с дивана и поплелась в прихожую обуваться.

На улице было так жарко, что я тут же начала плавиться и впервые в жизни посочувствовала сыру, из которого готовят фондю. Во дворе не было ни души.

– Посиди в беседочке, дорогая! – заботливо сказал Денис, заметив мое состояние. – А мы с Барклайкой быстренько выгуляемся – и домой. Ну его, этот торговый центр, правда?

– Правда, – вяло согласилась я, опускаясь на обшарпанную деревянную лавочку в тенистой виноградной беседке.

Денис с Барклаем с треском протопали по гравию, насыпанному на подступах к беседке, и скрылись за углом нашей жилой башни. Я обессиленно закрыла глаза и некоторое время сидела, как статуя медитирующего Будды, с которым меня роднил также бронзовый цвет лица. В голове струйкой горячего пара свистела одна-единственная мантра: «Господи! Спаси нас от этой адской жары!» Цикады в кустах стрекотали, как газонокосилка. Одурев, я обморочно привалилась головой к железной трубе, поддерживающей крышу беседки, ойкнула и очнулась: труба была горячей, как паровая батарея в разгар отопительного сезона.

– Дениска! – слабо воззвала я. – Барклай! Где вы? Ау?

Мне никто не ответил.

– Да ну вас к черту! – сердито сказала я и встала с лавочки.

Я направилась к дому, но по пути сделала небольшой крюк, чтобы заглянуть за угол – на случай, если Денис с Барклаем, занятые процессом, не услышали моего зова. Однако за домом их не было. Оставалось предположить, что они уже сделали свои дела и не стали возвращаться, обогнули дом и направились напрямиком в подъезд. А про меня, похоже, забыли.

– Вот ведь свинство, – проямлила я.

Жара вытопила из меня эмоции, сил не было даже на ругань. Я поплелась домой, в темном прохладном подъезде чуточку взбодрилась, но тут же вспомнила, что лифт не работает, и снова впала в глубокое уныние. По лестнице я поднималась медленнее, чем приговоренный к казни по ступеням эшафота. Слабо радовала меня только перспектива скандала, который я закачу забывчивому милому, когда оклемаюсь под кондиционером.

На пятом этаже грохотал молоток. У распахнутой двери своей квартиры приплясывала моя подружка Алка Трошкина, а рядом с ней наблюдался дюжий мальш в джинсовом комбинезоне, позволяющем беспрепятственно любоваться игрой его мускулов. Детина прибывал к деревянной раме мелкоячеистую капроновую сетку, а Трошкина ассистировала ему, держа газетный фунтик, полный гвоздиков.

– Бог в помощь! – сказала я. – Чем занимаетесь?

Плотник покосился на меня и промолчал, но не по причине невоспитанности. Просто у него изо рта торчал гвоздик. Алка улыбнулась и гордо сказала:

– Вот, сеточку на дверь ставим! Буду теперь устраивать в квартире сквозняк без риска напустить комаров и мух!

– Днем и ночью? – уточнила я. – То есть ты собираешься спать с открытой дверью, отгородившись от лестничной площадки одной этой хлипкой конструкцией?

– Нормальная конструкция! – забив гвоздь и освободив себе речевой аппарат, обиженно сказал плотник. – По прочности не уступит рыболовному снаряжению! Такой сеткой можно сома вытянуть!

– У нас в подъезде сомы не плавают! – отбрила я. – А вот жулье какое-нибудь вполне может подгрести! Ты, Алка, ночью задрыхнешь, а у тебя через дырку в сетке половину добра из квартиры вынесут!

– Ты думаешь, криминальная обстановка в нашем микрорайоне настолько напряженная? – встревожилась Трошкина.

– Спроси у капитана Кулебякина, – посоветовала я. – Кстати, Денис с Барклаем тут не проходили?

– Не-а, – Алка покрутила головой, смешно взвихрив девчончьи кудрявые хвостики.

– Поставила бы ты, милая, кондиционер! – посоветовала я, продолжая восхождение по лестнице. – Деньги у тебя есть, чего мучиться?

– Мне нельзя кондиционер, я под ним заболею! – грустно ответила Трошкина.

Я только фыркнула, показывая этим, что не считаю данный аргумент серьезным. У моей дорогой подружки все время возникают какие-то странные идеи и завихрения по части здорового образа жизни. То она в вегетарианство впадает, то в мясоежество, то босиком по снегу

бегает, то отказывается от кондиционеров и вентиляторов ради сквозняков естественного происхождения. Ее новая блажь жить за дверью, дырявой, как чайное ситечко, показалась мне такой абсурдной, что ради безопасности подруги я даже немножко пожертвовала собой: прошла мимо своей квартиры и поднялась еще на один этаж, чтобы рассказать об Алкиной глупости Денису. Пусть поведаст дурочке пару страшных криминальных историй, приключившихся по причине отсутствия в домах пострадавших нормальных дверей, а в дверях нормальных замков!

Из закрытой квартиры на меня никто не рявкнул и не гавкнул. Стало ясно, что капитана Кулебякина и его милицейской собаки нет дома. Тут я обиделась по-настоящему, так как вообразила, что Денис и его четвероногий друг пошли не к себе домой, а к нам, и сейчас ужинают в компании с моими дорогими родственниками. Подъем по лестнице парадоксальным образом возродил меня к жизни, я чувствовала прилив сил и аппетита.

– Где они?! – вскричала я, сбежав вниз по лестнице и с разбегу ворвавшись в отчий дом.

– Если ты про котлетки, то они уже кончились! – поспешил ответить Зяма, прикрыв свою тарелку ладонями.

– Котлет я сама сейчас кое из кого наделаю! – пообещала я. – Где эти бессовестные морды, Денис с Барклаем?

– Вы же все вместе ушли? – удивился папуля.

Он отложил газету, снял очки и потянулся за половником. На сей раз я не стала отказываться от африканского блюда и отдала должное новому папулиному шедевру.

Уплетая баранье жаркое с перцем и бамией, я думала, куда же могли подеваться Кулебякин с бассетом. Дома их нет, у нас тоже, и вообще, Трошкина ведь сказала, что Денис с Барклаем мимо нее не проходили, я просто запомнила об этом. Оставалось надеяться, что милый решил сделать мне сюрприз и побежал в ларек за мороженым или в торговый комплекс за купальником. Такой вариант развития событий был бы мне симпатичен, однако ни плембира, ни нового купального наряда я тем вечером так и не получила. Пропавшие души не объявились, домашний телефон Дениса нервировал меня длинными гудками, а его мобильник оказался выключен.

Поздним вечером, ворочаясь в постели, я долго думала, как именно буду наказывать милого за это возмутительное безобразие, и мои фантазии не на шутку заинтересовали бы того маркиза, который стал основоположником садизма. К полуночи я изобрела столько новых пыток, что могла бы преподавать на курсах повышения квалификации для средневековых инквизиторов. Денису Кулебякину предстояло пережить много интересных и необычных ощущений. К сожалению, я не могла ему об этом сообщить. Периодические проверки связи ничего не дали, капитан Кулебякин не включил мобильник и не ночевал дома.

2

– Барклаха, поторопись! – попросил Денис, прислушиваясь к треску живой изгороди, сквозь которую полез в глубь большой запущенной клумбы стеснительный бассет. – Жарко, сил нет!

Он обмахнулся полой новой белой рубашки, которую надел сегодня в первый раз, и отступил к дому, в тень балкона. Невидимый Барклай ворочался в зарослях одичавшей календулы и мелиссы. Денис прижался лбом к прохладной бетонной стене и замер. Кондиционер, бесстыдно выпирающий квадратным задом из окна первого этажа, потихоньку мочился ему на плечо, но в такую невыносимую жару это было даже приятно.

Пес наконец устроился так, как ему хотелось, и затих. С минуту душную тишину над календуловыми джунглями ничто не нарушало, а потом в дальнем конце клумбы послышались шорохи. С катушкой рыболовной лески в одной руке и с сапожным ножом в другой в пыльную зелень полез Гена Ультяков – юркий пятидесятилетний мужичонка с физиономией благочестивого пропойцы.

Гена не был психом и не имел намерения ловить в клумбе рыбу. Леска ему нужна была, чтобы поставить силки на четвероногого зверя, название которого являлось ответом на детский вопрос: «Кто сказал «Мяу»?». Геннадий Ультяков промышлял ловлей кошек, шкурки которых охотно покупал у него знакомый скорняк, а мясо по дешевке брала ушлая тетка, торгующая на Соломенном рынке пирожками собственного производства. Сбывая с рук кошачье мясо, Гена конспиративно называл его крольчатиной, ибо понимал, что кормить доверчивых любителей домашней выпечки кошатиной противозаконно, однако своего охотничьего промысла он ничуть не стыдился. Ультякову представлялось, что он делает очень важное и нужное дело, избавляя жилые кварталы от бездомных животных.

Прежде он распространял свою миссию санитара микрорайона и на собак, но перешел на более мелкую дичь после того, как один бродячий песик, отважно сражаясь за свою жизнь, цапнул его за руку и повредил сухожилие. При случае Ультяков и сейчас «брал» бобиков, которые тоже вполне годились на шубы и пирожки, однако с кошками было гораздо проще. Под вечер Гена расставлял в неухоженных клумбах с приятными усатым-полосатым растениями простые ловушки, а ночью повторял обход, вынимая из силков истошно вопящих животных под одобрительные возгласы измученных бессонницей жильцов. Некоторые граждане даже говорили Ультякову спасибо.

Бассет Барклай, внедрившийся в самую середину клумбы, уже закончил свои собачьи дела и хотел вернуться к хозяину, когда легкий порыв ветра донес до него ненавистный и незабываемый запах. В воздухе отчетливо запахло Геной Ультяковым, с которым у Барклая были давние счеты. Два года назад, когда любимый бассет капитана Кулебякина был еще юн и не в меру игрив, с ним случилось очень неприятное происшествие. На вечерней прогулке резвый щенок удрал от своего хозяина и попал в лапы собаколова, который стукнул животное камнем по голове и, думая, что пес мертв, начал снимать с него красивую пятнистую шкуру. Он успел подрезать ножом кожу на собачьей шее, от резкой боли Барклай очнулся, дико взвыл и через полминуты уже скулил в объятиях любящего хозяина. Собачий палач убежал, и от встречи с ним у бассета остались шрам на шее и незабываемые воспоминания. После этого случая Денис отвел своего питомца на собачью площадку, где Барклая научили и защищаться, и – при необходимости – нападать.

Почувяв Ультякова, умудренный опытом Барклай ни секунды не засомневался, что пришло время отмщения. Он сморщил нос, ощерился, беззвучно зарычал и выпрыгнул из календулы могучим тигринным прыжком.

– Пшел, с-скотина! – вскрикнул Гена, увидев несущегося к нему здорового пса.

Он метнул в Баркляя пластмассовую катушку, не попал и бросился наутек, на бегу цапая себя за карман, в котором лежало его личное оружие. За два года, прошедших с его встречи с беззащитным щенком бассета, Ультяков успел развить свой звероловный бизнес от любительского до полупрофессионального. Он обзавелся средством передвижения, напарником и ветеринарным шприцем-пистолетом.

Напарник Ультякова, слегка придурковатый юноша Вовчик, караулил за углом двухместный мотороллер с самодельным фанерным кузовом-будкой и лузгал семечки. Пользуясь случаем, он распахнул дверцы кузова настезь и проветривал будку, пропитавшуюся неистребимыми звериными ароматами. Увидев Ультякова, перепрыгнувшего давно не стриженную живую изгородь с резвостью молодой газели, Вовчик широко разинул рот, к толстой нижней губе которого прилипла подсолнечная шелуха, и просыпал семечки на землю.

– Что стоишь, ишак, заводи мотор! – рявкнул Гена, боком рушась на замусоренный асфальт и уже в падении выхватывая из кармана снаряженный «на всякий такой случай» шприц.

Следом за изготовившимся к стрельбе Ультяковым поверх кустов вынесся пятнистый пес с оскаленной пастью и большими мягкими ушами, разметавшимися по ветру, как флажки. Он упал на Гену, как сова на мышшь-полевку, басовито гавкнул, и в этот момент зверолов выстрелил. Пес взвизгнул, дернулся и поник головой. Ультяков выкарабкался из-под него и шустро отполз в сторону, с ненавистью глядя на бассета, скребущего когтистыми лапами грязный асфальт.

Из-за угла донесся встревоженный мужской голос:

– Барклай! Барклай!

– А, с-сука! – спешно поднимаясь на ноги, выругался Ультяков.

– Не, это кобель! – машинально возразил его напарник.

Вовчик сделал шаг к обмякшей собаке: парень, примчавшийся в месту событий по узкой дорожке под балконами, с разбегу запнулся о его выставленную вперед ногу и полетел на асфальт головой вперед.

– М-мать их так! – с испугом и злобой сказал Гена, глядя на пса и его хозяина, неподвижно лежащих бок о бок в неуютных позах.

– Крякнулись? – боязливо спросил Вовчик.

– Живые! – быстро пощупав руки и лапы пострадавших, ответил Ультяков.

– Драпаем? – спросил его напарник.

– Давай-ка помоги мне! – вместо ответа сказал Гена, хватая бассета за задние лапы.

– На фиг?! – удивился немногословный Вовчик.

– Гля, какая шкура! Аккурат на модный пиджачок! – недобро усмехнулся Ультяков.

Собаку закинули в будку, и Вовчик, отряхивая руки, настойчиво спросил:

– Ну, драпаем?

– Гля, какие пижонские брючки! – молвил знаток моды Гена, завистливо оглядев бело-снежный наряд осиротевшего собачьего хозяина. – И рубашечка новая!

– Не здесь же! – резонно возразил Вовчик, затравленно оглядевшись. – А ну, увидит кто!

– Помоги! – снова сказал Ультяков, подхватывая бессознательного парня под мышки.

Две минуты спустя мотороллер с фанерной будкой протарахтел в обход жилой многоэтажки, нырнул в подворотню, вывернул на оживленную улицу и затерялся в транспортном потоке.

3

– Тук-тук! Кто в теремочке живет? – громко спросила я, протискиваясь в офис.

Никто не отозвался, что было довольно странно, потому как в дверях я опрокинула металлическую стремянку, и она грохнулась на кафельный пол, как подбитый аэроплан-этажерка. В прошлом месяце наше рекламное агентство переехало в новое помещение – аж из трех комнат с санузлом, и теперь мы существовали в условиях глобального ремонта. Наш директор Михаил Брониславич, подбадривая персонал, обещал, что по завершении ремонтных работ мы начнем жить как короли – широко, с размахом. Пока что любые попытки размахнуться приводили к обрушению разнообразных предметов.

В большой комнате, где согласно официальной версии с девяти до восемнадцати часов сидят два менеджера по рекламе и один редактор, то есть я сама, было пусто. Катя и Люся еще не прибыли. Бронич тоже опаздывал, на двери кабинета шефа болтался прелестный навесной замочек, которыми любят оснащать свои почтовые ящики недоверчивые старушки. Какая-то жизнь вяло проистекала только в дальней комнате, которая до перевода жилого помещения в нежилое была просторной темной кладовой, а теперь громко именовалась «Аппаратная № 1». При этом второй аппаратной у нас не было и не планировалось, да и в первой аппаратуре было не густо: один компьютер, правда, очень хороший. Его наш скуповатый шеф купил, жалобно стеная и одновременно озвучивая надежды на скорейшее возмещение понесенных затрат за счет прибылей от производства графической продукции и видеороликов. За компьютер воссел шикарный юноша Андрей Сушкин, получивший в нашей табели о рангах звание видеодизайнера.

У Андрюхи густые темные волосы, стриженные «под горшок», скуластое кошачье лицо, желтые рысьи глаза и черные соболиные брови прямыми шнурочками. В его облике явственно угадывается хищник, и это вызывает нервный трепет у прекрасных дам. У меня лично на красавцев-дизайнеров стойкий иммунитет, выработавшийся благодаря многолетнему существованию бок о бок с братцем Зямой, но Катька с Люськой поначалу кокетничали с новым сотрудником направо и налево. Увы, процесс этот имел односторонний характер. Наш Эндрю гораздо больше интересуется поисками в Интернете новых образцов высокого рекламного искусства, нежели банальным флиртом. Чтобы привлечь его внимание к своей особе, девушка должна обладать чем-то большим, чем лицо кинодивы и фигура топ-модели, но чем именно, мы пока еще не поняли. Общение с Андреасом дополнительно осложняется его манерой вести преимущественно ночной образ жизни и появляться на рабочем месте тогда, когда нормальные сотрудники уже готовятся покинуть трудовые посты. Застать Эндрю на работе поутру – редкая удача. Сегодня, однако, он должен был явиться спозаранку, чтобы закончить суперсрочную работу.

– Ку-ку! – сказала я, внедряясь в аппаратную.

И снова не получила ответа, потому что Андрюха спал за компьютером, уронив буйную головушку на планшет. Сон видеодизайнера был беспокоен, голова его ворочалась, и включенный планшет дисциплинированно реагировал на эти движения, создавая на мониторе затейливую абстрактную картину, в самом центре которой смутно угадывался отпечаток ушной раковины.

– Андрюх, проснись! – позвала я, пощекотав спящего за вторым ухом, не охваченным творческим процессом.

– Аа-а? – хрипло отозвался Сушкин, поднимая голову.

Он посмотрел на меня, но, кажется, не узнал. Андрюхины глаза были узкими, припухшими и имели мутно-зеленый, с красной искоркой цвет давно не мытой винной бутылки.

– Ты пьянствовал, несчастный? – весело посочувствовала я.

– Пьянствовал ли я? – Эндрю сполз пониже, осторожно устроил голову на спинке кресла, поднял очи к потолку и глубоко задумался.

Никуда особенно не торопясь, я включила электрочайник, приготовила два кофе, поставила дымящуюся чашку рядом с вялой дланью видеодизайнера, села на свободный стул и еще через минуту дождалась ответа на свой вопрос.

– О, да! – признался Андрюха.

– Где и с кем? – поинтересовалась я просто потому, что мне казалось логичным развить вялотекущую беседу именно в этом направлении.

Сушкин снова замолчал и снова надолго. Я успела выпить кофе, сходила помыть чашку, вернулась, и только к этому моменту Андрюха созрел для продолжения разговора. Мало-помалу выяснилось, что пил он по поводу собственного дня рождения в дружной мужской компании, в режиме мальчишника. Выездная сессия мужского клуба проводилась у родни в станице, название которой Андрюха забыл напрочь. Смутные воспоминания остались у него и об обширной программе праздничного мероприятия, включавшей расширенную дегустацию станичного самогона, акробатические упражнения в стогу и романтическое ночное катание на тракторе по картофельному полю. С кем он кувыркался на сене, а с кем рассекал по кочкам на тракторе, Андрюха не помнил.

– А чьи были родственники? – спросила я и тут же пожалела об этом, потому что Сушкина мой простой вопрос поверг в невыразимую задумчивость.

Родня была его собственная, но характер их родства и сами имена близких людей улетучились из юношеской памяти похмельного видеодизайнера бесследно.

– Тетя Маня? – бормотал смущенный и встревоженный этим обстоятельством Андрюха. – Или дядя Вася?

Между тетей Маней и дядей Васей, обозначавших границы широкого диапазона станичных родственников, уместилось еще два десятка имен, но Андрюха не сумел отдать предпочтение ни одному из них. Промаявшись с четверть часа, он переключился на название станицы. Смутно помнилось ему, что оно состоит из двух частей.

– Старомышастовская? – морщил лоб Андрюха. – Новотитаровская?

– Верхнебаканская? – подсказывала я. – Или, может, Нижнестеблиевская?

Андрюха качал головой, кривился и думал дальше. Катька с Люськой, явившиеся рука об руку в половине десятого (в свободных руках обе держали кулечки с пирожками из ближайшей булочной), за завтраком включились в эту увлекательную игру. Чтобы помочь жертве раннего склероза и алкоголизма, мы взяли телефонный справочник Екатеринодарского края и выбрали из него все сложносоставные станицы, но никакого облегчения это Андрюхе не принесло.

В начале одиннадцатого примчался взмыленный Бронич, изрядно подогретый долгим стоянием в автомобильной пробке. Он очень неласково разогнал нас по рабочим местам, пригрозив лишить премии. Что такое эта самая премия, никто из нас не знал, потому как мы отродясь ее не получали, но лишаться чего бы то ни было никому не хотелось. Андрюха возобновил работу над роликом, Катерина воссела на телефон, Люська умелась обрабатывать клиента, а я приступила к сочинению рекламного стиха для сети ресторанов восточной кухни «Шахерезада».

Андрюхина тупость оказалась заразительной, мне никак не удавалось подобрать приличную рифму к «Шахерезаде». Она у меня рифмовалась исключительно с «задом». В контексте традиционных восточных канонов красоты это было вполне оправдано, но плохо ассоциировалось с едой, так как представить себе активное участие задницы в процессе приема пищи было сложновато.

– Над чем трудишься? – неожиданно спросил меня знакомый писклявый голос.

Алка Трошкина нависла над столом, рассматривая через мое плечо бумажный лист с одной-единственной дурацкой строчкой: «Богатый стол в «Шахерезаде»! Иду туда и ешь, хоть задом!».

– И будешь ты, кунак Абдул, тогда иметь богатый стул! – издевательски провозгласила Алка. – Запиши рифму, дарю!

– Трошкина, что ты здесь делаешь? – сердясь, негостеприимно спросила я.

– Привет! – Алка удивилась. – Ты разве забыла? Ты же обещала мне устроить собеседование по поводу работы!

– Шла бы ты, дорогая... баранов пасти! – съязвила я.

В прошлом году Трошкина получила в наследство небольшую овечью ферму в Австралии.¹ Лично присматривать за отарами мериносов она не захотела, отдала предприятие под управление компетентных австралийских аграриев и получает с этого дела прибыль в виде регулярных денежных выплат, которые любовно называет пенсией. Теперь у Алки нет особой необходимости работать, но натура она деятельная, дома ей скучно. До недавнего времени моя подружка трудилась инструктором по лечебной физкультуре в наркодиспансере, внося посильный вклад в реабилитацию пациентов этого учреждения. Работой ее там не нагружали, однако Алка очень страдала от невозможности полностью реализовать свой творческий потенциал. Трошкина закончила Институт культуры, она дипломированный режиссер театрализованных представлений и все время рвется нести искусство в массы. Главврач наркодиспансера не одобрил Алкину идею сколотить из числа наиболее вменяемых пациентов агитбригаду для выступлений, и обиженная Трошкина уволилась. Теперь она ищет работу по специальности или около того. А у нас в рекламном агентстве «МБС» как раз планируется расширение штата, Бронич уже не раз заикался о своем желании взять на работу еще одного редактора.

– Сейчас я загляну к шефу, посмотрю, в каком он настроении. Если он не бросит в меня пресс-папье, попрошу его тебя принять! – сказала я, встав из-за стола.

Сама-то я заметно повеселела, потому что придумала науськать Бронича предложить Трошкиной в качестве первого испытания сочинить рекламный стих для «Шахерезады». Посмотрим тогда, кто будет смеяться!

Бронич уже пришел в норму, сделался привычно ласков и выразил полную готовность пообщаться с соискательницей, которой я дала самые лучшие рекомендации (особо похвалив ее таланты по части стихосложения). Алка пошла к шефу, а я выбросила в мусорку свои стихи про шахерезадницу и стала думать, куда могли подеваться Денис с Барклаем. Смылись куда-то ни с того, ни с сего! Главное, ни слова мне о своих планах не гавкнули!

– Кобели! – сердито буркнула я.

То, что мой милый исчез без предупреждения и объяснений, позволяло предположить худшее: Денис отправился налево. Изменять мне с другой женщиной. Валяться в стогу и совершать подлунные прогулки на тракторе.

Меня немедленно посетило желание узнать, а нет ли у капитана Кулебякина добрых родственников в какой-нибудь деревне, славной своими традициями самогоноварения. Чтобы выяснить это, я нашла в записной книжке телефончик маменьки Дениса и позвонила ей.

Денисову муттер зовут Анна Леопольдовна, а фамилия по второму мужу у нее Котова. По-моему, это ужасно смешно! Можно подумать, будто дедушкой моего милого был Кот Леопольд! Однако Денис, который с гордостью несет по жизни папину фамилию Кулебякин, не видит в мамином новом ФИО ничего особенно забавного. Я как-то попыталась объяснить ему, в чем юмор, но он ехидно сказал:

– Кто бы говорил о смешных именах! – и я сразу же захлопнула рот.

¹ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Е. Логуновой «Дефиле озорных толстушек», издательство «Эксмо».

Дело в том, что собственные папочка с мамочкой назвали меня Индией, что в сочетании с самой распространенной русской народной фамилией Кузнецова делает меня посмешищем уже почти тридцать лет.

– Квартира Котовых! – мелодично проговорила в трубку Анна Леопольдовна.

– Офис «МБС»! – в тон отозвалась я, но тут же спохватилась, что это похоже на издевку, и своим нормальным голосом сказала:

– Анна Леопольдовна, здравствуйте! Это Инна.

– Инна? Какая именно? – сладко спросила она.

Я тут же закипела и плюнула кипятком:

– Та, которая невеста Дениса!

Анна Леопольдовна тяжело задышала, а я поддала жару, добавив:

– Того Дениса, который ваш сын!

– С-с-слушаю вас-с-с, Инна! – прошипела близкая родственница Кота Леопольда.

Я еще достаточно молода, а выгляжу и вовсе девушкой, так что на «вы» ко мне обычно обращаются только посторонние люди, страдающие переизбытком вежливости. Употребляя в обращении ко мне местоимение множественного числа, Анна Леопольдовна либо намекала на мой возраст, либо подчеркивала свое нежелание со мной зняться. Собственно, по второму пункту я отвечала ей взаимностью.

Капитан Кулебякин – взрослый мальчик, который давно уже вышел из-под материнской опеки. С Анной Леопольдовой я встречалась всего пару раз и в восторг от нашего знакомства не пришла. Маменька Дениса – язва, каких поискать, я тоже не розовый бутончик, и объединяет нас только одно: отсутствие нестерпимого желания видеть в роли капитанши Кулебякиной гражданку Кузнецову Индию Борисовну. Только у меня это нежелание пассивное, я просто максимально затягиваю стадию добрых отношений в надежде, что Денис по доброй воле откажется от самоубийственного желания стать моим мужем. А мадам Котова при каждом удобном случае проявляет активность, всячески пороча меня в глазах Дениса. Вот и злая я, и ехидная, и нехозяйственная, и слишком красивая, наверняка вертихвостка!

Однако сейчас я рассчитывала на помощь Денискиной маман, поэтому следовало отложить пикировку до лучших времен.

– Анна Леопольдовна, дорогая, подскажите, пожалуйста, куда уходят корни родового древа Кулебякиных? – вежливо спросила я.

– Чего? – озадаченно переспросила мадам, явно не ожидавшая такого вопроса.

– Где находится фамильное гнездо?

– Чье?

Тут уж я не выдержала и гаркнула в трубку:

– Того аиста, который принес вам Дениску!

Анна Леопольдовна немного помолчала, а потом с великим укором спросила:

– Вы пьете, Инна?

– Я-то нет, а вот некоторые... – тут я осеклась, не желая выдавать причину интереса к кулебякинскому гнездовью, чтобы Денискина маман не встала на защиту своего блудного сына. – Мне просто нужно знать, есть ли у Дениса близкие родственники в деревне?

– Зачем это?

– Хочу послать им приглашения на нашу свадьбу! – в сердцах ляпнула я откровенную неправду. – Конечно, если этих родственников не слишком много, потому что мы не планируем массовое народное гулянье. Честно говоря, если потенциальных гостей наберется чересчур много, я предпочту сэкономить и отказаться от свадебных торжеств. А может, и от самой свадьбы.

Это была чистой воды провокация, и Анна Леопольдовна немедленно на нее поддалась.

– Конечно, у Дениса есть родня в деревне! – с жаром вскричала она. – Да в Середомакарьевском в половине дворов живут Кулебякины!

Я не стала спрашивать, кто живет во второй половине этих дворов, поинтересовалась другим:

– Что такое Среднемакаровск?

– Середомакарьевский – это старинный казачий хутор! – с чувством невыносимого превосходства ответила Анна Леопольдовна. – Он назван по имени Макара Середы, совершившего великий подвиг во времена русско-турецкой войны. Инна, милая, культурный человек обязан знать такие вещи! Это же наша родная история!

В голосе вредной женщины звенело ликование: она обнаружила, что я ко всему прочему еще и невежда.

– А при чем тут Кулебякины? – опрометчиво спросила я и нарвалась на небольшую лекцию по истории Кубани.

Оказалось, что они как раз при героическом Макаре, дочь которого вышла замуж за некоего Кулебякина. В отличие от Середы, успевшего до своего подвига породить на свет однуединственную дочь, Кулебякины оказались весьма плодовиты, быстро размножились и заполнили собой целый большой хутор имени героического предка.

– А картошка там растет? – спросила я, перебив неожиданным вопросом складный былинный сказ.

– Там все растет! Середомакарьевский – благодатная земля, знаменитый кубанский чернозем!

– Значит, и сеновалы там есть, – пробормотала я, утверждаясь в своих худших подозрениях. – Анна Леопольдовна, а вы давно с Денисом общались?

Она замолчала, явно раздумывая, как бы получше ответить на такой каверзный вопрос. Сказать «давно» – значит признаться в том, что взрослый сын редко прибегает к мудрым материнским советам...

– На прошлой неделе, а что? – осторожно ответила мадам.

– То есть вам он приглашение на нашу свадьбу еще не вручил? – притворно ахнула я. – Ну, Денис! Ну, негодник! Никакого почтения к старушке матери! Ладно, я ему задам!

– Я сама! – выкрикнула Анна Леопольдовна, а я положила трубку и коварно улыбнулась.

Не зря поговорили! Может, я и немного узнала (история славного хутора не в счет), зато теперь негодник Кулебякин получит нахлобучку сразу с двух сторон: от меня и от любящей маменьки!

Я сбегала к Андрюхе и забрала у него телефонный справочник с картой края, чтобы поискать на ней благодатный хутор. Заодно на всякий случай спросила у Сушкина:

– Эндрю, а как тебе название Середомакарьевский?

– Нет, не то, – подумав, коротко ответил он.

– Значит, Денис был не с вами, – пробормотала я, удаляясь из аппаратной. – Что, впрочем, не снимает с него подозрений, ибо богата земля кубанская сеновалами и картофельными полями! Есть где развернуться силушке богатырской!

Я снова устроилась за своим столом, отыскала на карте благословенный Середомакарьевский и некоторое время гипнотизировала взглядом точку размером с просяное зернышко, желтеющую среди просторных зеленых (очень может быть, что картофельных!) полей. Сидела и думала, а не рвануть ли мне в исторический казачий хутор? Не сейчас, посреди рабочего дня, а на ночь глядя, в сумерках, по вечерней прохладе? С инспекторской проверкой сеновалов и самоходной сельскохозяйственной техники?

Тут из кабинета Бронича, пятась и мелко кланяясь, вышла Трошкина. Когда подружка повернулась ко мне передом, я увидела ее сияющее лицо и поняла, что шеф соискательницу вакантного редакторского места обнадежил.

– Михаил Брониславич дал мне первое задание! – похвасталась Алка, плюхаясь на стул у моего стола. – Вот! Я должна написать рекламное стихотворение для сети ресторанов «Шахерезада»!

Она шлепнула на стол цветной буклет упомянутого заведения, и я непроизвольно скрикнула. Этот рекламный продукт «Шахерезады» тоже породило наше агентство, и тоже в муках.

– Ой! – расстроилась Трошкина, увидев, как изменилось мое лицо, и сделав из этого неправильные выводы. – Инка, прости! Получается, что мне отдали твою работу?

– Ничего, я как-нибудь это переживу! – выдавила я, старательно скрывая крокодильи улыбку. – Все равно у меня с этой «Шахерезадой» никак не складывалось.

– Почему? – удивилась простодушная Трошкина. – Я вот уже вижу неплохие варианты. Как тебе, например: «Шахерезадой ты будешь обласкан в тыща одной круглосуточной сказке!»?

– А почему эта сказка круглосуточная? – удивилась я.

– Так ведь тут написано, что некоторые заведения сети работают всю ночь напролет! – ответила Алка, постучав розовым детским ноготком по буклету.

– Эти заведения – сауна и мини-гостиница, – со смешком сказала я. – Боюсь, у потребителя рекламы сложится неправильное представление о моральном облике твоей не в меру ласковой Шахерезады!

– Да? – Трошкина немного огорчилась, но не сдалась. – Тогда так: «Шахерезада любого накормит, напоит...»

– В баньке попарит и сердце успокоит! – хихикнула я.

Алка тоже неуверенно хохотнула.

– Девочки, вы мешаете мне работать! – прикрыв ладошкой телефонную трубку, укоризненно сказала Катя. – Идите болтать и смеяться в другое место!

– Пойдем к Андрюхе, – предложила я Трошкиной. – Ему мы не мешаем. Он сейчас почти в анабиозе и на внешние раздражители не реагирует.

Оставив Катерину ворковать с потенциальным рекламодателем, мы переместились в Андрюхину каморку, заварили себе кофе и продолжили работу над общим шедевром.

– Будем соавторами! – радовалась Алка. – Как Ильф и Петров!

– Да, стиль у нас отчетливо юмористический, – согласилась я, не разделяя ее восторга. – Заказчик этого не одобрит, надо менять манеру. Хиханьки-хаханьки убрать и добавить восточной цветистости, торжественности и гостеприимства.

– О гость! Приди в чертог Шахерезады! – с выражением провозгласила Алка.

– Не ставь Шахерезаду в конец строки, – попросила я. – В этой позиции к ней чертовски трудно подобрать пристойную рифму! И хорошо бы обойтись без гостеприимного чертога, мне кажется, он порочит Шахерезаду как женщину с крепкими нравственными устоями. Мы же не в бордель зовем народ, а в ресторан!

– Плов, шашлык, лукум, шербет – и чего там только нет! – выдала Трошкина.

– Шахерезады там нет! – возразила я. – А она обязательно должна упоминаться!

– Привет тебе, Шахерезада! – неуверенно провозгласила Алка и замолчала.

– Пишу письмо тебе из ада! – неожиданно подсказал Андрюха.

По голосу чувствовалось, что для него тема адских мук и страданий еще не закрыта.

– Эндрю! Хочешь, я схожу в ларек и куплю тебе пива? – сжалившись над мучеником, предложила я.

– Ты сделаешь это? – недоверчиво обрадовался Сушкин. – Ты сделаешь это для меня?!

Он прослезился и полез в карман за бумажником, бормоча, что никогда не забудет того, что я для него делаю, и называя меня добрым ангелом.

– Возьму две бутылочки «Старой Праги» и на сдачу шоколадку для ангела! – сказала я.

Андрюха энергично кивнул, но тут же со стоном схватился за голову и замер. Когда я через пять минут вернулась с покупками, он все еще сидел в этой позе. Зато Трошкина покинула стул и приплясывала в тесном пространстве между стеллажом и стеной, помахивая над головой листочком.

– Сочинила? – догадалась я.

– Ага! – Улыбающаяся Трошкина кивнула и прижала бумажку к груди. – Только тебе не покажу, а то ты снова все раскритикуешь! Пойду к Михаилу Брониславичу, пусть он сам оценит.

Взметнув юбкой, она умчалась к шефу, но очень скоро вернулась.

– Не оценил? – сочувственно спросила я, взглянув на задумчивую физиономию подруги.

– А? – она рассеянно посмотрела на меня и тряхнула головой. – Не оценил! Его нет в кабинете.

– А куда же он делся? – удивилась я.

Наш Бронич хлопотлив и основателен, как несущка. Он крайне редко слезает со своего насеста на протяжении рабочего дня. Если же ему случается покинуть офис по какой-нибудь особо важной и неотложной надобности, он предварительно долго и скучно инструктирует сотрудников, как себя вести и что делать во время его отсутствия. К тому же, уходя, шеф обязательно запирает свой кабинет на замок.

На этот раз замка на двери начальственного кабинета не было.

– Кать, Бронич от себя не выскакивал? – спросила я коллегу.

– От себя не выскакивал и в себя не вскакивал, – пробормотала она, не отрывая взгляда от монитора, на котором висел скучный разграфленный лист какой-то ведомости.

Я осторожно потянула на себя дверь кабинета, заглянула – пусто!

– Ты могла его не заметить! – закрыв дверь, упрямо сказала я Катерине.

– Нашего шефа? – она удивилась, перестала таращиться в монитор и уставилась на меня. – Как его можно не заметить?

Я промолчала. Катька совершенно права, Бронич из тех людей, чье появление невозможно не заметить. Во-первых, у него весьма примечательная внешность: наш шеф поразительно похож на мультипликационного Винни Пуха, не столько плюшевого, сколько плешивого. Во-вторых, как и положено медвежонку, он весьма неуклюж и при перемещении по офису, захламленному ремонтно-строительным оборудованием, производит разнообразные шумы. Неурочный выход Бронича из кабинета, у стены которого в шатком равновесии стоят листы гипсокартона и вязанка плитусов, был бы не менее эффектным, чем смена конного караула у парадных дверей Букингемского дворца. Да шеф один произвел бы больше шума, чем дюжина королевских гвардейцев вместе с лошадьми!

Осторожно обойдя стройматериалы, я снова потянула дверь начальственного кабинета, вошла в него и огляделась. Спрятаться Бронич мог разве что под столом, хотя я решительно была не в состоянии придумать причину это сделать.

– Шеф! – позвала из-за моего плеча Катерина, тоже заинтересовавшаяся необъяснимым исчезновением начальника.

Ответа не последовало.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! – объявила я, после чего предупредительно постучала согнутым пальцем по столешнице и заглянула под стол. – Его здесь нет!

– Странно, – задумчиво сказала она. – Куда же он делся? Был у себя, по телефону с кем-то ругался, потом мебель двигал – бесился, наверное.

– Посмотрите в шкафу! – застенчиво посоветовала Трошкина.

– Здесь нет никакого шкафа, только вешалка с рогами! – ответила я и сказала Катке: – Значит, он все-таки вышел, а ты его не заметила!

– Это невозможно! – решительно возразила коллега. Она немного подумала и спросила: – А машина его здесь?

Я вернулась в общую комнату, подошла к окну, открыла его и высунулась подальше, чтобы увидеть пяточок нашей стоянки на углу дома. «Тойота» Бронича стояла на своем обычном месте под старым раскидистым платаном.

– Ничего не понимаю!

– Может, Бронича засосало в Интернет? – предположила Катерина и сама же глупо хихикнула. – В интерактивную немецкую порнуху!

Я опять вошла в начальственный кабинет, посмотрела на монитор и пошевелила мышку, чтобы прогнать с экрана пушистых котятков скринсейвера.² Под котятками обнаружилась никакая не порнуха, а вполне благопристойный пасьянс, оставленный игроком без внимания на самой интересной финальной стадии. Что же могло заставить шефа прервать столь увлекательное занятие?

– Какие идеи? – спросила я девчонок.

– Михаила Брониславича похитили инопланетяне! – предложила Алка, неуверенно улыбаясь.

Кажется, она думала, что мы ее разыгрываем.

– Угу, маленьким зеленым человечкам до зарезу понадобился крупный специалист по организации рекламных кампаний! Марсианам ужасно надоел черный пиар Голливуда! – съязвила я.

– А чего гадать? Давайте мы Броничу на мобильник звякнем! – выдала первую разумную мысль Катерина.

² *Скринсейвер* – англ. «хранитель экрана», заставка, появляющаяся на мониторе через некоторое время после прекращения работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.